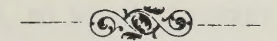
СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LXXI, № 4.

М. П. ПОГОДИНЪ,

КАКЪ АРХЕОЛОГЪ.

Н. Кондаковъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1901.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Декабрь 1901 г.
Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ.*

Русская археологическая наука естественно почитаетъ своимъ долгомъ помянуть столѣтіе со дня рожденія Погодина, какъ одного изъ своихъ прямыхъ родоначальниковъ, и ея поминки получаютъ особую знаменательность въ средѣ Отдѣленія Русскаго Языка и Словесности Имп. Академіи Наукъ, въ самое послѣднее время почтившаго русскую археологію введеніемъ ея и общей науки Исторіи искусства въ свой научный составъ. Предлагая вниманію высокаго собранія свой краткій набросокъ оцѣнки археологической дѣятельности Погодина, мы, по счастію, не нуждаемся ни въ ссылкахъ, которыя сами собою придутъ слушателямъ на память, ни въ доказательствахъ, такъ какъ вѣрность сообщаемыхъ взглядовъ можетъ быть ими легко подтверждена, или отвергнута.

Главная задача нашего чтенія заявить память о томъ, что Погодинъ, бывшій по профессіи литераторомъ, по политическому призванію славистомъ, по наукѣ русскимъ историкомъ, былъ на пространствѣ всей жизни своей наиболѣе дѣятельнымъ, общепризнаннымъ, страстнымъ археологомъ. Къ его знанію русской археологической библіографіи, къ его сочувствію и живому слову обратился графъ Уваровъ для открытія общихъ собраній 1 Арх. Съѣзда общею рѣчью о «Судьбахъ Археологіи въ Россіи». Въ этомъ широкомъ обозрѣніи всего хода археологическихъ занятій въ Россіи. Погодинъ совмѣстилъ и самый внимательный перечень всего сдѣланнаго, очеркъ всего прошлаго русской археологіи, отъ сотрудниковъ графа Румянцева до своихъ современниковъ,

на всемъ пространствѣ Россіи и во всѣхъ историческихъ поприщахъ. Для расширенія ея успѣховъ въ будущемъ, онъ требовалъ умноженія общедоступныхъ обзоровъ по археологіи, открытія публичныхъ лекцій по предмету, заявлялъ о необходимости провинціальныхъ музеевъ, о важности составленія всякаго рода археологическихъ картъ, о желательности примѣненія государственныхъ мѣръ къ дѣлу сохраненія и возстановленія древнихъ памятниковъ.

Вамъ извѣстно, что къ его древней русской исторіи приложенъ и обширный археологическій атласъ, въ которомъ много памятниковъ до татарской Руси были воспроизведены среди картъ, плановъ, факсимиле рукописей, и объяснены въ особомъ прибавленіи.

Погодинъ былъ, въ свое время, наиболѣе извѣстнымъ и счастливымъ собирателемъ Русскихъ древностей, и, конечно, богатствомъ своихъ собраній былъ обязанъ, прежде всего, тому, что никогда не старался спеціализироваться въ своихъ поискахъ и пріобрѣтеніяхъ, и что вся русская вещественная археологія была ему любопытна, и всѣ памятники древности искусства стариннаго и быта Россіи ему казались важны по отношенію къ общей святынѣ — русской старинѣ.

Въ этомъ преклоненіи предъ русскою стариною Погодинъ не зналъ никакихъ оговорокъ, сомнѣній и ограниченій, которыми задавались и тяготились иные его современники, ставшіе представителями археологіи и, конечно, оставлявшіе его позади въ своихъ научныхъ работахъ. Остановимся на одномъ изъ нихъ—незабвенномъ Ѳ. И. Буслаевѣ. Вамъ живо памятенъ еще ходъ занятій этого ученаго, бывшаго одно время столь живымъ представителемъ новаго литературнаго и научнаго движенія. Это движеніе, возникшее изъ общаго національнаго, пробужденнаго отнынѣ, интереса къ русской старинѣ, примкнуло къ романтизму и сосредоточило свои литературные и художественные идеалы въ европейскомъ средневѣковомъ, въ широкомъ смыслѣ этого слова, народно-варварскомъ и начальномъ періодѣ европейской исторіи.

Буслаевъ переходилъ къ археологіи отъ русской народной словесности, обобщая памятники письменные и вещественные общимъ признакомъ такъ наз. «двоевѣрія», открывая «романскій стиль» въ пѣсни объ Егоріи Храбромъ, опредѣляя одинаково древнюю словесность и искусство со стороны ихъ основной народной стихіи. Но въ тоже время Буслаевъ, съ самаго начала, т. е. въ первыхъ общихъ этюдахъ «о народности въ литературѣ и искусствѣ» и до послѣднихъ монументальныхъ работъ, ограничилъ избранную имъ область русской археологіи иконописью, лицевыми рукописями, подлинникомъ. Въ этой отмежеванной области онъ полагалъ единственный интересъ, который можно и должно имѣть къ русской старинѣ, здѣсь было содержаніе древняго искусства на почвѣ религіи, народныхъ вѣрованій, здѣсь интересъ древнерусскаго искусства сказывался въ мысли, и иконографическую часть археологіи Буслаевъ полагалъ достойнымъ предметомъ преподаванія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Онъ полагалъ возможнымъ утвердить историческій взглядъ на художественную бѣдность древней Руси, проистекавшую отъ разъединенія, бѣдности матеріальной и невѣжества, указывалъ недостатокъ въ древней Россіи артистической дѣятельности и отсутствіе личнаго художества, разнородность всякихъ вліяній чужеземныхъ, ихъ непонятность для народа (скульптуры Суздальскихъ церквей), недостатки самаго византійскаго наслѣдія, доставшагося намъ будто бы уже въ періодѣ упадка византійскаго искусства. Правда, Буслаевъ приглашалъ, не смущаясь бѣдностью художественной формы, искать вознагражденія въ мысли, въ символизмѣ древнерусскаго искусства, въ его глубокихъ преданіяхъ, сближающихъ его иконографію съ древнехристіанскимъ искусствомъ, а бытовыя формы съ Скандинавскою стариною, но вмѣстѣ съ тѣмъ Буслаевъ принципіально и настойчиво сопоставлялъ, для оцѣнки, древнерусское искусство съ древнехристіанскимъ на западѣ, нашъ 16-й вѣкъ съ XII вѣкомъ въ Германіи, чуждался интересовъ бытовой и этнографической стороны русской жизни и сталъ противъ исторической постановки ея на изслѣдованіи ея состав-

ныхъ восточныхъ элементовъ. Пріемы изученія самой русской иконографіи, сводившіе все ея содержаніе къ неизмѣнному будто бы преданію, въ ней исключительно дѣйствовавшему, обезличивали древнерусское искусство, разлагая его на древніе образцы, позднѣйшія формы и ихъ искаженія, подобно тому какъ въ современныхъ Буслаеву изслѣдованіяхъ отдѣловъ такъ наз. «романскаго« искусства національныя искусства Европы сводились къ изученію памятниковъ Рима и романскихъ странъ. И между тѣмъ, подчиняясь, въ противность высказаннымъ взглядамъ и придуманнымъ теоріямъ, общему движенію къ изученію народности и родной старины, тотъ же незабвенный ученый полагалъ основы ея научнаго изслѣдованія.

Погодинъ оставался чуждъ теоретическихъ взглядовъ, ограниченій и уступокъ, держась въ практической сферѣ наглядки коллекціонера, въ ученомъ дѣлѣ стоя на широкомъ поприщѣ археологіи, какъ родной сестры исторіи: «памятники вещественные, бытовые, письменные имѣютъ тѣсную связь между собою и раздѣлены быть не могутъ», и археологія доставляетъ матеріалъ для той же исторіи. Этотъ живой взглядъ на нераздѣльную родную старину онъ долженъ былъ найти у старовѣровъ, иконниковъ, собирателей и торговцевъ древностями.

Современное движеніе русской археологической науки показываетъ, что Погодинъ былъ правъ въ своемъ живомъ дѣлѣ, имѣлъ вѣрные взгляды на истинное значеніе русской старины и ясно предугадалъ будущую ея государственную и общественную оцѣнку. Такъ, на томъ же первомъ археологическомъ съѣздѣ наиболѣе виднымъ въ научномъ отношеніи вопросомъ былъ утвержденный Съѣздомъ романскій стиль въ зодчествѣ древнихъ Суздальскихъ церквей. Коснувшись этого пункта въ дѣятельности Съѣзда, Погодинъ въ своей рѣчи сказалъ: «Много было говорено на съѣздѣ о византійскомъ и романскомъ вліяніи на нашу церковную архитектуру. Вліяніе тамъ имѣетъ мѣсто, гдѣ есть что нибудь, ему подверженное. А у насъ до тѣхъ поръ, пока не было христіанства, не было и церквей; съ христіанствомъ же и

церкви получили образецъ совершенно византійскій. Уже въ послѣдствіи церкви наши могли подвергаться тому и другому вліянію, но вообще получали что то и свое собственное. Вотъ это *что то* и есть русское, своеобразное, которое намъ отыскать и опредѣлить слѣдуетъ»[1]). Нѣтъ надобности входить въ детали и повторять Вамъ то, что̀ было высказано въ своемъ мѣстѣ. Но взглядъ ученыхъ археологовъ того времени на романскую архитектуру Суздаля былъ вѣренъ односторонне, по стольку лишь, по скольку утверждаетъ общее сходство храмовой архитектуры XII столѣтія на всемъ пространствѣ Европы: въ нашихъ памятникахъ существенно ихъ коренное отличіе отъ прочей романской архитектуры, и въ скульптурѣ ихъ исключительное богатство, ихъ необыкновенное своеобразіе. Прилѣпы Дмитріевскаго собора — прямая параллель «Стиху о Голубиной книгѣ» и его воплощеніе въ скульптурѣ.

Итакъ Погодинъ, не будучи присяжнымъ археологомъ, вѣрно понялъ главный интересъ научныхъ изслѣдованій русской древности. Древнерусское искусство сложилось, дѣйствительно, задолго до того, какъ у насъ стали строить каменные храмы по византійскому шаблону, и, конечно, оно сложилось, въ свою очередь, подъ сильными вліяніями восточными, и русскія изслѣдованія должны направиться къ источникамъ образованія русскаго и общеславянскаго быта съ VI по IX вѣкъ, къ объясненію древностей Кіевскаго и Владимірскаго періода, общему историческому анализу сербоболгарскихъ древностей и памятниковъ въ XIII и XIV вѣкахъ, чтобы затѣмъ сосредоточиться на изученіи древнерусскаго искусства, сложившагося окончательно въ московской Руси. На этомъ пути специализація отдѣловъ отыщетъ много вліяній и заносовъ, покажетъ нужду въ особыхъ изслѣдованіяхъ древностей цѣлаго ряда странъ и мѣстностей, вліяній Крыма, Кавказа, Средней Азіи, Сербіи и Болгаріи, Галиціи и Молдовлахіи, вскроетъ въ фактахъ простыхъ и цѣльныхъ сложныя исто-

---

1) Труды I Арх. Съѣзда, I, 1871, стр. 39.

рическія явленія, умножитъ заимствованія польскія и турскія. Но пусть эта научная спеціальность не чуждается такого же живаго соприкосновенія съ общимъ народнымъ интересомъ къ родной старинѣ, какое представляетъ примѣръ Погодина. Пусть изслѣдователи памятуютъ, что открытое сходство не даетъ тождества, и предполагаетъ существованіе различій и своеобразій, вліяніе предполагаетъ существованіе среды, на которую оно дѣйствуетъ и которая требуетъ изслѣдованія. И въ научныхъ анализахъ окажется, что древнерусское искусство, будучи сложнымъ историческимъ явленіемъ, какъ всякое народное искусство, есть въ тоже время цѣлый историческій характеръ, самобытный и по декоративному значенію своему художественный стиль. Внутреннее и вѣрное пониманіе русскаго стиля сообщается уже живымъ народнымъ чувствомъ, и онъ ожидаетъ только пониманія научнаго и художественнаго, дабы оплодотворить творчество русскихъ архитекторовъ и художниковъ и самому развиться въ оригинальныхъ художественныхъ созданіяхъ.